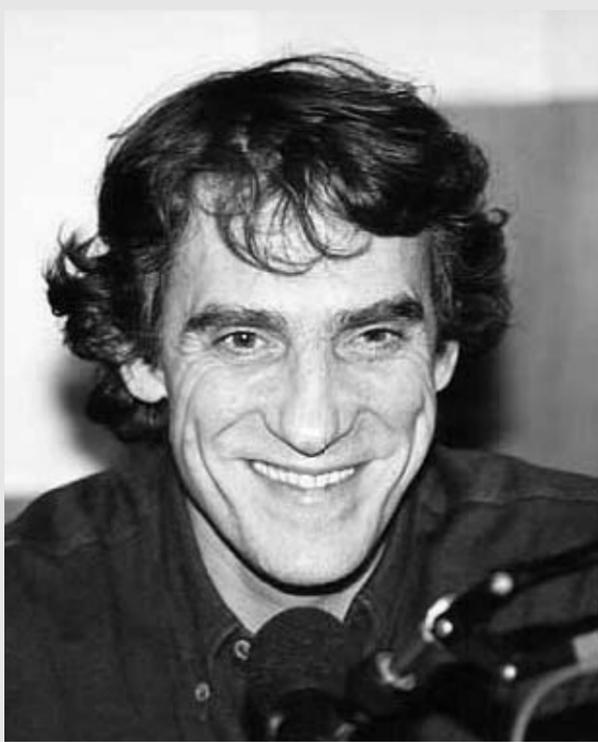

ВАЛЕРИЙ ГАРКАЛИН:

«СЛАВА ОЧЕНЬ НУЖНА АРТИСТУ»

Сегодня Гаркалин — кинозвезда и любимец театральной публики. Но мало кто знает, что он окончил факультет режиссеров эстрады и массовых представлений ГИТИСа, был актером-кукольным и много лет проработал в провинции. До того, как Валерий Гаркалин стал знаменитым артистом, он накопил богатый жизненный опыт, прошел свои "университеты": его долго не принимали в театральные вузы, была армия, работа на заводе полупроводниковых приборов во Фрязино, восемь лет поездок по стране с кемеровским ансамблем "Люди и куклы"...

Сегодня зрители и критики, коллеги-артисты и режиссеры восхищаются Гаркалиным — Хлестаковым, Моцартом, Гамлетом, Калошницей, шекспировским Петруччо... На театральной сцене в нескольких антрепризах с ним с удовольствием играют знаменитые Армен Джигарханян и Татьяна Васильева. А ведь всего этого могло и не быть, если бы Валерий Гаркалин несколько лет назад послушал совета одной известной педагогини из Щукинского училища: "У меня к вам предложение. Больше НИ-КОГ-ДА ни в какой творческий вуз не ходите. Если увидите, что где-нибудь написано "театральный институт", — бегите мимо. А еще лучше на пушечный выстрел не подходите к этому зданию..."

— Насколько я знаю, у вас с Джигарханяном было три совместных проекта...

— Да. Сначала (давно еще) я играл с ним спектакль, когда он организовал свой театр на базе курса ВГИКа, которым руководил. Это был "Моцарт и Сальери" по "Маленьким трагедиям" Пушкина. Потом была вторая работа, с ним и с Наташей Гундаревой, — по переводной французской пьесе "Какая идиотская жизнь!", и года четыре мы ее "эксплуатировали". Следующий наш проект (где мы уже вдвоем, еще с Таней Васильевой) — "Маньяк". Мы никак не можем найти время выпустить его, потому что заняты то в разных антрепризах, то в каких-то других проектах. Специально для нас пьесу написал Гана Слуцкий, израильский драматург.

— Татьяна Васильева как-то, посмотрев вас в спектакле по пьесе Мрожека, призналась, что испытала настоящее потрясение: "Это было сыграно по высшему классу!"

— О Тане Васильевой я могу сказать еще в более высокой степени, о женщине ведь можно говорить бесконечно. Трудно встретить более раннего, тонкого, изящного, на редкость глубокого и содержательного человека. Для артистов очень важен "отбор выразительных средств" (есть такое понятие, у мужчин оно, так сказать, природно выработано, а у женщин часто не совпадает), у нее этот отбор постоянно очень высок. У нее такое чувство меры, такой вкус, которому может позавидовать любая актриса. Она восхищает меня тем, что совершенно не похожа ни на кого. Это как отдельная планета, где существуют свои законы, свое утро, свой вечер, свои будни и праздники. Она уникальный человек. Я могу говорить о ней бесконечно. Сказать, что она одна из величайших актрис нашей современности — ничего не сказать, она такой является давно. Она удивительный партнер, чувственный, с таким прекрасным, теплым содержанием!..

— Интересно, каков Валерий Гаркалин дома? Говорят, что вы любите чистоту, подметааете, убираете, но больше всего обожаете гладить...

— Да. Все правильно. (Смеется.)

— А ваша жена по-прежнему работает в театре Сергея Образцова педагогом?

— Да. Только она немного изменила свою "ориентацию": сейчас — экскурсовод по музею. Сергей Владимирович при жизни создал уникальный музей. Он много путешествовал по всему миру и отовсюду привозил театральных кукол. Это огромный, удивительный, единственный в мире музей. Театр кукол ведь самый древний в мире...

— А чем занята ваша дочь?

— Ника уже взрослая, она студентка продюсерского факультета ГИТИСа.

— Еще одной артистки, стало быть, в семье не будет?

— Нет. Мне не пришлось отговаривать ее стать актрисой, потому что она и не хотела ею становиться.

По материалам
информгентств.

— Валерий Борисович, сегодня вы актер театра-студии "Человек"?

— Да. Там лежит моя трудовая книжка.

— А из Театра сатиры ушли?

— Ушел. Три года назад.

— Был такой слух: Ширвиндт уволил вас из театра за участие в антрепризах...

— Да, был такой слух. Но это неправда. В антрепризах я участвовал еще до прихода Шуры, и он мог бы меньше об этом говорить, потому что сам в них участвовал, когда я еще не родился.

Ситуация такая. Я написал заявление об уходе, еще когда театром руководил Валентин Николаевич Глущек, и ушел. Меня попросили остаться на контракте — доигрывать спектакли, потому что я был занят в текущем репертуаре, в ведущих спектаклях, которые нельзя было снять в связи с моим уходом. Я доигрывал. И "доигрался" до такой степени, что дошло до скандала.

— Говорят, что вы репетируете дома свои роли (шулеров, киллеров, пьяниц, бандитов, болванов, недотеп) и первой всех ваших героев видит жена Катя...

— Нет, это несколько странная информация. (Рассмеялся.) Это уже привирают. Дома я никогда не репетирую. Как раз дома я живу реальной жизнью, а репетирую только в отведенных для этого помещениях — в театрах, где играю. Просто моя жена часто говорит о том, что когда я начинаю репетировать что-то новое, то ей кажется, что домой приходит совершенно другой человек, что она знакомится то со стариком, то с мальчиком...

— А правда, что, когда шли съемки фильма "Катала", вы по ночам дома осваивали карты?

— Осваивал. К сожалению, до этого я даже представления о картах не имел. Естественно, я знал, что существует такая категория людей — шулеры, но не подозревал, до какой степени им нужно владеть картами. И чтобы быть убедительным в этой роли, я, конечно, должен был тренироваться.

— Это ведь был ваш первый фильм?

— Да.

— Как вы попали на главную роль? Может быть, есть какая-то интересная история?

— Есть, она интересна тем, что я был тогда никому не известным артистом. Снимал фильм известный сценарист, кинорежиссер Сергей Бодров-старший, и на эту роль он меня утверждал один. Тогда, в советские времена, еще были худсоветы, и они, а не режиссеры, решали судьбу актера. Каждый член худсовета киностудии, худсовета объединения, где снимался фильм, мог отвергнуть твою кандидатуру в силу своих личных симпатий, антипатий. Поэтому нужно было пройти страшные испытания, чтобы быть утвержденным на главную роль. Я помню, что вся киностудия была против моей кандидатуры, только один Бодров настаивал, и если бы меня не утвердили, он отказался бы снимать картину. А так как ее спасали (она была запущена другим режиссером, с другой съемочной группой и была сброкована), он просто вырвал объединение. Поэтому и сказал: "Если вы хотите, чтобы я снимал картину, в главной роли должен быть Гаркалин". То есть Бодров — мой отец крестный. Он настоял на своем. Хотя, когда я прочел сценарий, мне показалось, что он погорячился. Я тогда уже работал в Театре сатиры (первый сезон), считал себя комедийным актером, а он вдруг предлагает мне такую драматическую роль! Я запомнил его фразу: "Только самые замечательные комики могут сыграть подлинно драматично". Она меня открылила.

Потом пошла серия очень интересных героев: "Белые одежды" (многосерийный телевизионный фильм), несколько совместных картин с немцами, которые, к сожалению, не увидел наш советский зритель, потому что рухнул прокат. И то, что я делал после "Каталы", публика уже не видела. Вплоть до "Ширли-мырли".

— А вот после этого фильма написали: "Ширли-мырли" показывали столько раз, что Гаркалину можно было бы уже и не сниматься. Больше славы все равно не будет". Как вам это?

— В этих словах есть доля правды. Что такое слава, бремя славы? Это все мифы, вокруг ко-

ной популярности может длиться... ну, в течение суток. Дальше уже просто скучно, понимаете? (Хохочет.) Все время впадать в восторг от себя в этом смысле крайне неудобно и невозможно, потому что наступает утро, и надо что-то делать дальше.

У меня был партнер Армен Борисович Джигарханян. Более

которых могли бы вертеться и артисты, и зрители. Это просто широкая популярность. Слава приносит известность, а это необходимая составная часть нашей профессии. Лукавят артисты, когда говорят, что они за славой не гонятся — конечно, это неправда. Слава очень нужна артисту. Ему приятно, когда его узнают. Она приносит еще и возможность быть востребованным в кино, в театральных проектах... Но это такое сиюминутное состояние, после которого только и начинается работа, вот так бы я сказал. Кайф, удовольствие от собствен-

известного человека и представить себе трудно. По-моему, его узнают и на Луне, и на Марсе, если мы полетим туда со спектаклем. Так вот, он выходит на сцену, народный артист СССР, все ему аплодируют (за звание, известность, популярность), а дальше зрители замолкают, они будут смотреть, что же он сегодня покажет... Надо думать об этом, когда приходит слава. Что будет после нее? А после нее — труд и та планка, на которой находишься, та высота, с которой очень больно падать, если будешь часто увлекаться собственной славой. Иные выносят на сцену звание, и дальше ничего не происходит. "Носители званий" ставят крест на профессии. Звание ничего не значит. Повторяю, только один день можно войти в кайф от славы, как от выпитого вина, хорошего, "породистого". А потом наступает отрезвление, и надо что-то делать дальше. Мне кажется, что надо успеть пережить этот момент и работать дальше. Потому что после аплодисментов зрители замолкают в ожидании чего-то удивительного. Славой уже не удивишь.